

И снова тьма.

Стоило ему открыть глаза, как его встретил беспросветный мрак. Но если это была чистая, абсолютная тьма... как вообще можно было её разглядеть? По какому признаку сознание определяет, что перед ним именно чернота?

Свет распространяется по прямой. Сталкиваясь с преградой, лучи не огибают её — они преломляются, затухают, прерываются, и тогда... рождается мрак.

То, что отринуто светом, места, где его нет по определению, должны быть невидимы. Так как же можно лицезреть саму тьму? И всё же он был уверен: он видит её. Пусть перед глазами расстилалась непроглядная мгла, лишённая малейшего намека на фотоны, разум упрямо фиксировал зрительный образ.

И собственное тело, растворившееся в этой бездне, и смутные очертания ландшафта вдали — всё это он различал. Расплывчато, зыбко, но всё же видел.

Света не было и в помине, но зрение работало.

Почему?

Он слегка склонил голову набок, погружаясь в размышления.

Человек способен видеть ночью лишь потому, что даже в самое глухое время суток в воздухе рассеяны крохи света. Без них хрусталик и сетчатка превращаются в бесполезные органы.

Однако здесь, он знал это наверняка, света не было вовсе.

Едва зародились первые сомнения, он попытался применить одну из украденных способностей — «Ослепительное сияние».

Этот целительный навык, по сути своей довольно бесполезный, он скопировал исключительно ради забавы. Уж очень его привлекла нелепая оговорка: техника работала лишь там, где уже присутствовал хотя бы мизерный источник света.

Когда он впервые узнал об этом ограничении, то лишь снисходительно усмехнулся. В привычном мире трудно отыскать место, абсолютно лишённое света, так что условие казалось глупым и надуманным.

И всё же абсурдность этого запрета пробудила в нём любопытство, и он сохранил способность в своей книге — просто как забавный экспонат для коллекции.

Кто же знал, что именно здесь, в этой пустоте, фокус не удастся. Навык оказался заблокирован.

Окружённый первозданным ничто, сопоставив крупницы увиденного и услышанного, он пришёл к выводу: события развиваются по сценарию второй половины «Пророчества». Именно поэтому он и извлёк из памяти бесполезную технику.

Вторая часть предсказания гласила:

«Там, где сойдутся свет и тень, ты обретёшь ответ».

Есть свет. Есть тень. Есть ответ.

Поначалу эти строки казались ему банальными до смешного. Он даже не знал, как расценивать умственные способности того, кто облёк пророчество в столь очевидную форму.

Но теперь... теперь он вынужден был признать: создатель этих строк обладал поистине незаурядным умом.

Достаточно ли одного лишь света, чтобы найти разгадку? Или её хранит тень? А может, необходима их встреча?

И каков сам ответ?

Пророчество умалчивало о сути вопроса. Оно лишь обещало разгадку — ту самую, которую ищет путник. Но ведь у каждого свои мотивы, свои помыслы и, следовательно, свои вопросы.

Означает ли это, что для каждого вопрошающего заготовлена своя уникальная истина? Или же самые разные пути ведут к одному-единственному, общему для всех ответу?

Подобная неопределённость легко могла сбить с толку любого, особенно в его нынешнем, крайне пассивном положении.

Затерянный в глухом, вакуумном безмолвии, он невольно предался размышлениям.

Совпадет ли обретённое знание с тем, что он действительно жаждет узнать? И какую форму примет этот финал?

Когда мысли дошли до грани экзистенциального тупика и он начал сомневаться в реальности собственного бытия, тишину наконец прорвало.

"О чём ты задумался?" — в сознании эхом отозвался холодный, лишённый половой принадлежности голос.

Впереди соткался силуэт. Из-за крошечной мглы невозможно было разобрать черты — лишь зыбкие контуры тела. Напрягая все органы чувств, Куроло Люцифер глухо спросил:

— Кто ты?

"Тебе ни к чему это знать, — силуэт, казалось, неуловимо качнулся. — Просто скажи, какой ответ ты ищешь?"

Мёртвое безмолвие вновь сомкнулось над ними. Тягучее, давящее, бесконечное.

Прошло немало времени, прежде чем Куроло разомкнул губы:

— Я хочу знать тайны этого мира.

В прошлой жизни он привык всё просчитывать до мелочей, выстраивать многоходовки и выгрызать желаемое зубами. Ему никогда ничего не давалось просто так. Но сейчас интуиция и холодный расчёт, работающие на пределе возможностей, подсказали единственно верное решение: нужно говорить прямо. Без уловок и лжи. Только так можно получить истину.

В интригах не было смысла.

Этому существу незачем было вести с ним двойную игру. И пусть уязвлённая гордость тихо роптала, Куроло прекрасно понимал: для стоящего перед ним создания он сам — не более чем пустое место, песчинка на ветру.

А раз так — прочь маски.

Удар наносится прямо в цель.

В ответ на его дерзость неведомый собеседник, кажется, тихо и снисходительно усмехнулся.

"Да будет так".

Едва прозвучали эти слова, как в его разум хлынул безумный, ревущий поток информации.

Колоссальный объем чужеродных знаний взорвал сознание изнутри, принеся невыносимую, раздирающую боль.

В следующее мгновение, не выдержав ментального удара, он провалился в глубокий обморок.

И одновременно с этим его тело бесследно растаяло в пустоте.

Что же до Шалнарка и Мачи... Не будучи главными действующими лицами этой пьесы, они не удостоились подобных почестей. После того как загадочная женщина на озерной глади погрузила их в принудительный сон, очнулись они уже в Городе Метеора.

В мгновение ока неведомая сила перенесла их за десятки тысяч миль, вернув на заброшенные, пропахшие гарью улицы родины.

Но их лидера рядом не оказалось.

Глава Пауков исчез в неизвестном направлении.

Здесь было светло. Настолько нестерпимо ярко, что слепило глаза пуще любой полуночной мглы.

Именно в этом безумном пространстве сейчас находился Хисока.

Ослепительное сияние заполняло каждый дюйм, выжигая сетчатку и стирая любые контуры. Вокруг расстилалось бесконечное белое море. Даже скосив взгляд вниз, он не мог разглядеть собственного тела — лишь сплошную, кипящую белизну. Человеческий глаз слепнет без света, но крайности всегда сходятся. Избыток фотонов лишает зрения точно так же, как и их полное отсутствие. Абсолютный свет оборачивается абсолютной тьмой.

Мир, где нет места даже намёку на тень, — это ли не самый изощрённый мрак?

Как отреагировал бы на подобный абсурд обычный человек? Впал бы в панику? Попытался бы сохранить ледяное спокойствие? Хисоке чужды обе эти крайности. Какова же была его реакция?

Стоя посреди этой бескрайней белой пустыни, фокусник беззвучно улыбался. Его улыбка была пустой и жуткой, лишённой тепла и звука.

Спустя вечность, словно пресытившись собственным весельем, он убрал улыбку.

Прищурившись, Хисока с жадным восторгом вглядывался в эту чистую пустоту. Свет, достигший своего абсолюта, стал идеальной ширмой. В этой ослепительной «тьме» ты слеп ко всему, даже к собственной плоти. Но чувства обмануть сложнее. Осязание, интуиция, разум — они продолжали упрямо твердить о его присутствии.

В этой чуждой вселенной он всё ещё существовал.

Неважно, что глаза не видят рук. Главное — знание, что ты здесь.

В мертвом вакууме этого пространства можно было расслышать, как глухо журчит кровь в венах и бьётся пульс, отсчитывая мгновения. Хисока упивался этим моментом. Вся его жизнь с самых малых лет была бесконечной чередой схваток. Он смаковал каждое мгновение, наслаждался самим фактом своего бытия. Наблюдая, как в воздухе расцветают алые брызги, как чужие жизни угасают в тщетных попытках спастись, как вспыхивают и гаснут яркие искры чужого таланта, Хисока испытывал чистый экстаз. Лишь у края бездны он по-настоящему чувствовал себя живым.

И этот раз не стал исключением.

Здесь не пахло порохом, не лилась кровь, не звенела сталь, но восторг оставался прежним.

Посреди ослепительного ничто он со всей ясностью ощутил биение собственной жизни.

Там, где брезжит свет, всегда живёт надежда. Но если свет выжигает всё вокруг, надежда перерождается в концентрированное отчаяние.

На стыке этих двух стихий — надежды и безысходности — пульсировала жизнь, отчаянно борющаяся за право быть.

Прикрыв глаза, Хисока замер с блаженным выражением лица.

Зажатая между пальцами игральная карта была готова сорваться в полет. Пусть глаза ослепли, инстинкты по-прежнему оставались острыми как бритва.

Доверившись шестому чувству, он резко метнул карту.

Раздался короткий, хищный свист разрезаемого воздуха. Пространство в точке попадания пошло зыбкой рябью, воздух исказился судорогой, и когда марево улеглось, перед Хисокой соткалась фигура.

И пусть зрение по-прежнему подводило фокусника, появление незваного гостя он уловил мгновенно.

Прижав ребро другой карты к губам, он хищно сощурился и повернул голову туда, где стоял пришелец. Из-за слепоты его взгляд казался расфокусированным, почти безжизненным, но новоприбывший отчётливо ощутил изнанку этого взора — первобытное, бушующее безумие, способное обратить в пепел целые миры.

Кун долго и молча изучал этого человека, столь непохожего на холодного и расчётливого Куроло. Наконец он тихо рассмеялся:

— Теперь понятно! Теперь всё встало на свои места.

Не зря Мо Синь утверждала, что Куроло и Хисока слеплены из одного теста. Они действительно были зеркальными отражениями друг друга — два абсолютных, рафинированных безумца, чей мозг работал с пугающей, математической точностью. Вот только Куроло прятал свою манию под маской благовоспитанности и утончённых манер, а Хисока плевал на условности и даже не пытался притворяться нормальным.

— О-о-о~♣! — Хисока картинно заломил шею, плавно, по-кошачьи поводя бёдрами. Его затрясло от сладкого, предвкушающего нетерпения. — Так давай же сразимся~♥! Ну же~□!

— Вынужден отказать, — спокойно отозвался Кун. Его ничуть не смутила волна жажды крови, исходящая от маньяка. Не давая Хисоке опомниться, он добавил: — Моя роль скромна — я всего лишь проводник.

Он не собирался устраивать дешёвые театральные представления и набивать себе цену. Слишком много мороки.

— Хм-м~? — Хисока озадаченно склонил голову.

Кун не стал снисходить до долгих объяснений. Одним коротким мысленным импульсом он вколотил лавину нужных сведений напрямую в череп фокусника, а затем небрежным взмахом руки швырнул его в пространственный переход, отправляя в конечную точку маршрута.

— Ну что ж... надеюсь, ты получишь то, что ищешь, — пробормотал Кун себе под нос, после чего бесследно растаял, оставив это стерильно-белое пространство, созданное лишь ради пафосного антуража.

Так Хисока, терзаемый смутным недоумением, отправился навстречу своей новой судьбе.

Куроло, ведомый утончённым любопытством и азартом исследователя, тоже покинул этот мир.

Что же касается Иллуми Золдика... Общими стараниями Су Миянь и Мо Синь он без лишнего шума последовал за остальными — прямиком туда, где ему и предначертано было оказаться.

Наблюдавший за развернувшейся сценой из глубин Девяти Бездн Райан лишь раздосадованно вздохнул. Повернувшись к Мо Синь, которая безмятежно потягивала чай, он шутливо пожаловался:

— Твой Кун совершенно лишен чувства прекрасного. Испортил такой великолепный антураж! Я ведь так старался, создавал атмосферу.

— Вот как? — безучастно обронила Мо Синь, делая очередной глоток. Она посмотрела куда-то вдаль, за самый край туманного горизонта, и взгляд её стал непроницаемым.

Фигуры заняли свои места на доске.

Пьеса, которой суждено было перевернуть мироздание, началась.

<http://bllate.org/book/20668/2132505>